

Сюй Ланьшань, конечно, не знал, что скорее не Чжао Юйсин ради своей возлюбленной отказался от гарема, а то, что гарем у Чжао Юйсина появился лишь после того, как у него возникла та самая любовь.

До Чэнь Циньцина гарем Чжао Юйсина был пуст, в нём не было ни одной наложницы, словно он ждал кого-то одного, лишь одного.

Выбитый из колеи Сюй Ланьшань снова в тревоге принялся звать свою систему, но, как и прежде, сколько он ни зывал — ответа не было.

Смутное предчувствие охватило Сюй Ланьшаня, и он наконец запаниковал. Помимо того, что их государь обрёл любимого человека, он куда больше не мог смириться с потерей системы.

Без системы все его преимущества исчезнут, включая его «знания и умения».

Стоит отметить, что в период, когда система была «на обслуживании», при виде учеников, приходивших к нему за знаниями, он чувствовал неуверенность и каждый раз находил отговорки, чтобы отложить занятия. Он даже установил правило: все вопросы сначала записывать на бумаге и передавать ему, а он ответит, когда будет время.

Поэтому каждый раз, пробуждая систему, он сначала разбирал все накопившиеся вопросы, и лишь тогда мог вздохнуть с облегчением.

В конце концов, эти ученики станут его будущей опорой, и он должен был растить их с умом, ведь впоследствии им предстояло сыграть важную роль.

Разумеется, для учеников с потенциалом он не забывал повышать их лояльность, стараясь сделать из них своих преданных псов.

За всё это время он наблюдал, как его ученики один за другим поднимались вверх, некоторые всего за несколько лет добились политических успехов и заняли высокие посты. Он всегда считал, что у него хороший глаз на таланты.

До этого он даже вступил в сношения с иноземцами, передавая им сведения и разжигая их амбиции.

Он действовал крайне скрытно и, пользуясь помощью системы, был уверен, что его никогда не раскроют.

Но он не ожидал, что алчность этих иноземцев разгорится так быстро, что они захотят напасть ещё до того, как он выполнит свою главную задачу. Для Сюй Ланьшаня это стало полной неожиданностью.

И то, что эти иноземцы были разбиты так быстро и сдались так поспешно, тоже оказалось для него неожиданностью.

Он полагал, что всё спланировал, однако события пошли совсем не по его задумке. Более того, казалось, всё это не имеет к нему особого отношения. Он был всего лишь одним из многих, кого носит по воле волн.

Конечно, Сюй Ланьшань, считавший себя выше других, никогда бы в этом не признался.

Сюй Ланьшань не ведал, что за нападением иноземцев стояли лучшие умы этой страны.

Он считал свои действия скрытными, но для тех, кто стоял за кулисами, это было лишь подталкиванием событий. Их даже не интересовало, кто передаёт информацию иноземцам, они лишь размышляли, как использовать эти сведения.

И цель их была не в расширении границ страны, а в создании мира, что продлится в веках.

Мира, где народ сможет жить в покое и благоденствии, без забот.

Быть может, у них и будет множество трудностей, но эти трудности не будут исходить от внешних врагов!

И всё же уверенность Сюй Ланьшаня не покидала его, он продолжал убеждать себя, что сможет вернуть вышедшую из-под контроля задачу в рамки того, что считал управляемым.

Но теперь, узнав, что их государь обрёл любимого человека, его сердце всё же дрогнуло.

Он наконец понял, почему задача продвигалась так неудачно. Оказалось, сердце их государя никогда не принадлежало ему, и они всегда оставались в отношениях правителя и подданного.

В очах их государя он видел восхищение, но не более того. Он думал, что его замаскированное лицо не соответствует вкусу государя, и даже строил планы соблазнить его своим истинным обликом, но пока не раскрывался, ибо время ещё не пришло.

После искусственно устроенной встречи и попытки соблазнения он лишь ждал, ждал следующего удобного момента.

В конце концов, все чувства рождаются в череде случайных встреч.

Он не верил, что их государь останется равнодушен к его лицу, поэтому в своих различных уловках у Сюй Ланьшаня не было возможности как следует наблюдать за реакцией Чжао Юйсина.

Можно сказать, что в каждой встрече с Чжао Юйсином он сам всё выдумывал, включая все реакции Чжао Юйсина, существовавшие лишь в его воображении. Воображение рождало картины, и он начинал верить, что они реальны.

Но теперь Сюй Ланьшань впервые усомнился в себе.

Сюй Ланьшань действительно занемог.

Лежа в постели, он без устали взывал к своей системе, ибо лишь она могла успокоить его сердце.

Узнав о болезни Сюй Ланьшаня, Чжао Юйсин отправил к нему придворного лекаря и пожаловал множество ценных снадобий для укрепления здоровья.

Сей жест Чжао Юйсина немного успокоил Сюй Ланьшаня, и он перестал впадать в отчаяние. Его прежняя слепая уверенность вернулась, и разум вновь заработал, выискивая различные причины, дабы вернуть задачу под контроль.

В сущности, в сердце Сюй Ланьшаня таилась обида.

Чжао Юйсин был его целью, и Сюй Ланьшань давно уже считал его своей собственностью, отчего и чувствовал себя преданным.

Были ли у него чувства к Чжао Юйсину? Немного было.

Ведь Чжао Юйсин во всех отношениях был мужчиной выдающимся, а такой человек, стоящий на вершине мира, будь он в него влюблён, удовлетворил бы любое его тщеславие.

Но если говорить о глубине чувств, то до настоящей любви дело не доходило. Будучи человеком из современного мира, хоть он и узрел мудрость людей сей эпохи, избавиться от глубоко засевшего в нём презрения к ним он не смог.

Он по-прежнему считал, что древние люди уступают современным, ибо не ведали того, что ведал он, а это уже доказывало их неполноценность.

И даже великий император был всего лишь порождением феодализма. Хотя в современном мире он был человеком заурядным, он всё же полагал себя выше императора.

Разумеется, если бы император слушался его во всём, он бы наслаждался этим.

Болезнь затянулась надолго, и Чжао Юйсин даже даровал ему месячный отпуск, дабы он мог спокойно поправлять здоровье дома.

Не сумев пробудить систему, Сюй Ланьшань пребывал в постоянном напряжении и не мог обрести покой, отчего, хоть лекарства и помогали, полностью он так и не излечился.

Прошёл месяц, и с каждым днём тревога Сюй Ланьшаня росла, покуда наконец его долгожданная система не пробудилась.

Услышав голос системы, Сюй Ланьшань пришёл в неистовый восторг. Будь у системы плоть, он бы, наверное, обнял её и расцеловал.

Сюй Ланьшань принялся изливать системе свои тревоги, но система не отвечала, что не показалось ему странным, и в процессе он сам постепенно успокоился.

Затем Сюй Ланьшань начал рассказывать системе о слухах, кои слышал, — о том, кого полюбил их государь.

Нелегальная система Бедствия долго молчала, прежде чем ответить голосом более жёстким и механическим, нежели обычно:

— Если задача не будет выполнена, вы исчезнете навсегда. Прошу, выполните задачу как можно скорее.

Услышав это, лицо Сюй Ланьшаня мгновенно побелело, и он не заметил разницы между прошлым и нынешним голосом системы.

— Я обязательно выполню задачу, — сказал Сюй Ланьшань.

— Хорошо, — ответила Нелегальная система Бедствия.

Тут и Сюй Ланьшань замолчал, и тревога за систему исчезла. Теперь он начал беспокоиться о себе.

Он не желал исчезнуть навсегда, а посему оставалось лишь изо всех сил выполнить задачу.

Итак, взор Сюй Ланьшаня быстро устремился на того, кого, как говорили, любил их государь.

Сюй Ланьшань начал расспрашивать людей о том человеке, но вскоре обнаружил, что Чжао Юйсин хорошо его оберегает.

Сведений о том человеке было очень мало, многие новые чиновники даже не ведали о его существовании. Лишь старшие чины, пережившие то время, знали что-то, но и их знания были скудны.

После нескольких дней расспросов Сюй Ланьшань узнал лишь имя и происхождение.

Чэнь Циньцин, сын маркиза, с детства жил в деревне, вернулся в столицу, встретил нынешнего императора и был взят во дворец.

[Пусто]

<http://bllate.org/book/16138/1446815>